

Утро России

„Васса Желѣзнова“.

(Театръ Незлобина).

То, что изобразилъ Горькій въ „Вассѣ Желѣзновой“, изображалось уже не разъ.

Но въ пьесѣ Горькаго распадъ купеческой семьи, смерть, болѣзни, преступленія, тяжесть обыденной мѣщанской жизни изображены въ томъ быстромъ и короткомъ темпѣ, который дѣлаетъ занимательнымъ изображеніе скучнаго и обыденнаго и вноситъ новизну въ давно извѣстное и всѣмъ знакомое.

Въ пьесѣ Горькаго нѣтъ глубокой трагедіи, нѣтъ большихъ чувствъ. Въ семьѣ Желѣзныхъ мелко ненавидятъ, вѣрнѣе, — злятся, мелко мечтаютъ и даже умираютъ

мелко и безъ особой надобности. Трагически погибаетъ только одно случайное, эпизодическое лицо — горничная Липа, кончающая жизнь самоубійствомъ. Остальные живутъ нудно и томительно, и часто чувствуется, что авторъ самъ не знаетъ, злые ли они, или просто несчастные.

У старухи Желѣзновой умираетъ мужъ; сыновья никудашные — одинъ озлобленный кривобокій уродъ, другой недалекій, почти дурачекъ, женатый на такой же неумной женщинѣ; дочь замужемъ за подполковникомъ, больнымъ и пьющимъ офицеромъ; братъ мужа, Прохоръ Желѣзновъ, непутевый пожилой человѣкъ, къ дѣлу непригодный, гоняющій голубей, развращающій жену кривобокаго Павла — молодую, красивую Людмилу, дочь управляющаго. Старухѣ Желѣзновой онъ особенно ненавистенъ, потому что хочетъ взять изъ дѣла свой капиталъ. Среди этихъ отношеній завязывается и развязывается короткая интрига: составляется подложное завѣщаніе, по которому все имущество переходитъ къ Вассѣ. Прохора сжигаютъ со свѣта, натравивъ на него во время сердечнаго припадка пьянаго Павла, котораго мать вслѣдъ за тѣмъ убѣждаетъ уйти въ монастырь. Зачѣмъ все это дѣлается, никому неизвѣстно. Правда, Васса Желѣзнова довольно неясно говоритъ о какихъ-то внукахъ, о дѣтяхъ Людмилы, ради которыхъ все это дѣлается, о какомъ-то садѣ, который, какъ видно изъ пьесы, любить и она и Людмила.

Но дѣтей у Людмилы еще нѣтъ, они еще только въ проектѣ, а садъ явно принадлежитъ къ насажденіямъ символическаго характера: онъ нуженъ только для того, чтобы показать, что и у Вассы, и у Людмилы имѣются стремленія, чуждыя всякой корысти, движимыя единой только любовью къ красотѣ. Пьеса коротка; трехъ актовъ хватаетъ на все, что изложено выше. Благодаря этой краткости, умѣлому развитію дѣйствія, мѣткимъ словечкамъ, которыми всегда изобилуетъ Горькій, она смотрится легко, не утомляя вниманія зрителя. Но когда по происшествіи всего, что полагается, занавѣсъ задвигается въ послѣдній разъ, какъ-то досадно навязывается вопросъ: „Зачѣмъ все это? Зачѣмъ еще разъ, хотя бы и съ большой вѣрностью, изображено, какъ живутъ и умираютъ мелкие купцы, и какъ легко совершить разныя преступленія, начиная отъ подлога и кончая убійствомъ, въ средѣ темной и инертной? И гдѣ же Горькій, гдѣ своеобразие, гдѣ темпераментъ, гдѣ то, на что обязывается имя капрійскаго изгнанника?“

Мнѣ кажется, что „Васса Желѣзнова“ — одна изъ лучшихъ постановокъ незлобинскаго театра. Чрезвычайно удачно разошлись роли, приличны декорации, хорошъ общій тонъ. Такое впечатлѣніе постановка произвела, очевидно, и на зрительный залъ,

который по окончаніи пьесы нѣсколько разъ единодушно вызывалъ К. Н. Незлобина. Мнѣ хочется здѣсь отмѣтить одно обстоятельство: нѣкоторые изъ завсегдатаевъ незлобинскихъ премьеръ взяли себѣ обыкновеніе свистѣть и шипать. Нѣсколько такихъ свистуновъ не воздержались и вчера. Хотелся указать имъ на всю недостойность и дешевость этого способа проявлять свои блазириванность и утонченность. Правда, право свистѣть есть «un droit qu'on achète en entrant», но есть права, отъ которыхъ благовоспитанный человѣкъ долженъ умѣть отказываться.

Переходя къ игрѣ отдѣльныхъ актеровъ, я особенно долженъ отмѣтить г. Асланова, игравшаго роль слабоумнаго Семена. Начиная съ грима и кончая интонаціями, слабоумнымъ смѣшномъ, вялостью движеній и улыбки, г. Аслановъ создалъ высоко-совершенный спеннический образъ. Превосходенъ былъ и г. Грузинскій въ роли отца Людмилы, управляющаго Васильева. Г-жа Васильева въ роли Вассы не дала достаточно силы. Хотѣлось бы большей рѣзкости угловъ. Въ мягкомъ исполненіи г-жи Васильевой еще безцѣльный казались всѣ жестокости мѣщанскаго обихода. У г-жи Вульфъ быть звучалъ слабо, и слишкомъ городская, интеллигентская рѣчь ослабляла впечатлѣніе красивой задумчивости, съ которой проведя свою роль артистка. Г-жа Лилина очень умѣло справилась съ ролью Натальи, жены Семена, и г-жѣ Позняковой далась вульгарность провинціальной армейской дамы. Гг. Лихачевъ и Балакиревъ не произвели достаточно яснаго впечатлѣнія, но айсамъ не портили.

О „Свадьбѣ“ Чехова, поставленной театромъ въ заключеніе вечера, — до другого раза.

А. КОЙРАНСКІЙ.